

УДК 811.161.1'373'0 (043.3) + 811.111'373'0 (043.3)

**НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ:
ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ВХОЖДЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

канд. филол. наук, доц. Т.В. НИКИТЕНКО
(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)
tatnikita@gmail.com

Ретроспективно рассматриваются негативно-оценочные лексемы иноязычного происхождения в русском и английском языках. Устанавливается продуктивность заимствования как источника пополнения пейоративной лексики и особенностей функционирования негативно-оценочных вхождений в языке-рецепторе. Делается вывод, что заимствования не являются продуктивным источником пополнения лексики негативной направленности ни в русском, ни в английском языках. При этом многие из иноязычных оценочных слов характеризуются высокой словообразовательной активностью: участвуют в производстве негативно-оценочных дериватов по словообразовательным моделям, характерным для языка-рецептора, с использованием как исконных, так и заимствованных формантов. Кроме того, многие ассимилированные иноязычные слова, первоначально без оценочного значения, участвуют в процессах семантических изменений, в результате которых в семантической структуре ранее заимствованных слов фиксируются новые оценочные лексико-семантические варианты.

Ключевые слова: негативно-оценочное заимствование, пейорация, продуктивность, словообразовательная активность, стилистическая маркированность.

Введение. Оценка является универсальной категорией, и «вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о ‘хорошо/плохо’», – писала Е.М. Вольф [1, с. 9]. Система человеческих ценностей находит выражение в лексике языка. Известно, что оценочные единицы варьируются по типу знака – положительный / отрицательный. Несмотря на то, что положительные смыслы являются исходными, а правила коммуникации активизируют употребление положительно-оценочной лексики, в языке лексические средства выражения негативной оценки количественно преобладают, поскольку оценочная шкала асимметрична. Человеческое восприятие прежде всего склонно фиксировать аномальные явления и отклонения от нормы.

Объект исследования в настоящей статье составляют негативно-оценочные лексемы иноязычного происхождения. **Цель** работы заключается в установлении, во-первых, продуктивны ли заимствования как источник пополнения пейоративной лексики, и, во-вторых, существуют ли особенности их функционирования в языке-рецепторе.

Исследование выполнено на материале двух языков – английского и русского, которые обладают рядом общих социально-функциональных параметров: наличие продолжительной письменной традиции, преемственность между предыдущим и последующим периодами истории развития языка, сформированный литературный образец на национальной основе. Вместе с тем, не являясь близкородственными, имея разную историю, различное время формирования национального языка и сложения литературного образца на национальной основе, а также различаясь по многим структурно-типологическим характеристикам, указанные языки позволяют выделить общие тенденции вхождения и функционирования негативно-оценочной лексики иноязычного происхождения.

Материалом исследования для русского языка стала картотека оценочных слов, извлеченная из «Большого толкового словаря русского языка» ([1998] 2008) [2] и Словаря под ред. А.П. Евгеньевой (3-е изд., 1985–1988) [3]. Материалом исследования для английского языка стала картотека оценочных слов, извлеченная из словаря «Shorter Oxford English Dictionary» (6-е изд., 2007) [4]. Тематически изучаемая лексика является разнородной и представлена всеми частями речи.

Данное исследование относится к предметной области исторической лексикологии и носит ретроспективный характер. Происхождение анализируемых слов, развитие их семантической структуры устанавливались по данным исторических словарей, корпусам текстов и т.д.

В текстовых примерах после оценочного слова, выделенного курсивом, приводится его оценочное значение, затем указывается дата первой фиксации в письменных источниках со ссылкой на словарь или корпус текстов соответствующих языков.

Основная часть. Негативно-оценочные заимствования в русском языке

В истории русского языка особо выделяются XVIII и XIX вв. – именно в это время, по нашим данным, в русский язык вошло наибольшее количество оценочных иноязычных слов. В русском языке положение с заимствованиями на протяжении XVIII в. было неустойчивым. С одной стороны, иностранные

слова проникали на протяжении всего XVIII в., многие из них адаптировались и становились привычными, а с другой – начиная с 1740-х гг. наблюдался пуристический подход к заимствованиям.

Как отмечал В.В. Виноградов, в начале XVIII в. польский язык еще сохранял на некоторое время свое влияние, являясь посредником между Россией и Западной Европой [5, с. 56]. В результате этого влияния в русский язык проникают некоторые экспрессивно-оценочные единицы. Пр.: *каналья* (1717) [6, вып. 9, с. 231]. Многие заимствованные европейские слова помимо «отпечатка новшества» [5, с. 68] обладали нетипичной для русского языка фонетической формой, которая могла способствовать закреплению экспрессивной оценки в семантике слова. Примером может стать лексема *кляуза* ‘мелочная придирчивая жалоба, донос, наговор’, которая в XVIII в. заимствуется через польское *klaauza* от латинского *clausula* ‘заключение’ [7, с. 339]. Польское влияние начинает уступать немецкому, и до 40-х гг. XVIII в. большую роль играет немецкий язык [5, с. 68]. В связи с этим в русский язык поступают заимствования из немецкого или из других языков при немецком посредничестве, в том числе негативно-оценочные. Например, лексема *шельма* ‘плут, мошенник, пройдоха’ заимствуется из немецкого от *Schelm* ‘плут’ [7, с. 809] в первые десятилетия XVIII в., так как она встречается в указах Петра I уже в 1715 г.: *Кто из офицеров или рядовых с неприятелем тайную и опасную переписку иметь будет, <...> оный имеет, яко шельм и изменник, чести, пожитков и живота лишен, и четвертован быть* (Петр I. Артикул воинский, 1715). Очевидно, с самого начала лексема *шельм(а)* являлась негативно-оценочной (ср. Указы Петра I), но экспрессивно-маркированной и стилистически сниженной стала позже. Еще в середине XIX в. Словарь 1847 г. определяет данное слово как ‘плут, мошенник, бесчестный человек’, при этом дополнительными стилистическими пометами не снабжает [8, IV, с. 453]; в середине XX в., например, слово уже квалифицируется как *просторечное* [9, XVII, стлб. 1343].

В некоторых случаях немецкий язык выступал проводником заимствований из третьего языка, как например, в случае с лексемой *идиот*, которая заимствуется из латинского *idiota* через немецкое посредничество от *Idiot*. В русском языке слово отмечено в 1710-е гг. в значении ‘глупый человек’ [6, вып. 8, с. 251]¹. Первые случаи употребления данной лексемы в бранной речи отмечены в интермедиях XVIII в.: [Хозяйка:] *Ах, проклятой идиот!* [6, вып. 8, с. 251]. Корпус фиксирует употребление данной лексической единицы начиная только с 40-х гг. XIX в. в произведениях А.А. Григорьева, И.С. Тургенева, Н.И. Греча и т.д.

Учитывая значительный общий объем иностранных слов, поступавших в русский язык на протяжении XVIII в. [11, с. 333], становится очевидным, что вклад заимствований в пополнение негативно-оценочной лексики незначительный. Этому факту можно найти следующее объяснение: многочисленны были заимствования терминологической лексики как узкоспециального, так и обиходно-бытового характера [5, с. 59–63]. Как правило, такая лексика была однозначна, определена, не имела оценочных оттенков. Вместе с тем, следует отметить высокую словообразовательную потенцию многих негативно-оценочных иноязычных единиц, в результате которой на русской почве образовывались новые оценочные дериваты (*шельменок, шельмецкий, шельмование, шельмоватость, шельмоватый, шельмоваться, шельмовка, шельмовской (шельмовский), шельмовство, шельмовый, шельмочка; кляузный, кляузник, кляузница, кляузничать, кляузничество, кляузнический* и др.).

Некоторым иноязычным проникновениям необходимо было приспособиться к лексической системе русского языка. Например, тюркские заимствования могли подвергаться преобразованиям как формальным, ср.: *балбес* (< тюрк. *бильмес* ‘невежда’) ‘о бестолковом человеке, бездельнике’, так и морфемным, ср.: *якшаться* (< тюрк. *якшы* ‘хороший’) ‘общаться, водить компанию’.

Согласно результатам проведенного исследования, заимствования, вошедшие в русскую лексическую систему в XIX в., не оказали значительного влияния на пополнение оценочных слов русского языка. Полученные нами данные соотносятся с общей тенденцией появления в русском языке иноязычных слов в XIX в. По подсчетам Ю.С. Сорокина, среди всех новых слов, вошедших в употребление в 1830–1870 гг., заимствования занимают чуть более 1/3 всего объема новых слов для русского литературного языка [12, с. 58].

В качестве непосредственного источника негативно-оценочных заимствований, а также проводника из других языков, выступал французский язык. Пр.: *фразер* ‘тот, кто любит говорить пустые, малозначительные фразы’; *экивоки* ‘двусмысленные намеки, недоговоренности’. Как отмечал Ю.С. Сорокин, решающая роль в популяризации многих иностранных слов принадлежала журналистике [12, с. 66]. Так, в литературной критике 30–40-х гг. XIX в. отмечены оценочные дериваты, образованные от недавно вошедших заимствований, пр.: *фразерка, фразерство, фразерский* и др. [12, с. 465].

Помимо французских по происхождению лексем, входили оценочные заимствования из других языков, в частности из польского, например, *фанаберия* ‘кичливость, чванство’, ср.: <...> «*Врешь, бра-*

¹ Следует отметить, что существуют другие версии путей заимствования слова: фр. < *idiot* < греч. *idiōtes* ‘особенность, своеобразие’ [7, с. 272]. Известно, что первоисточник слова – греческий язык, откуда оно было заимствовано в латинский и имело значение ‘невежда, неуч’, а значение ‘умственно неполноценный человек, кретин’ возникло позже на западноевропейской почве, куда слово попало из латыни [10, с. 336].

тец, ни за что не поверю. Что ты мне этакую **фанаберию** несешь? <...>» (И.И. Панаев. «Опыт о хлыщах», 1854–1857). Оценочный предикат *быдло*, по определению 17-томного словаря, первоначально попадает в южные и западные русские диалекты из польского языка через украинский [9, I, стлб. 718]. Тем не менее можно усомниться в диалектном происхождении этой лексемы, поскольку первые примеры в Корпусе представляют ее в абсолютно литературных контекстах в связи с польскими реалиями, ср.: <...> в Польше же этот аристократизм обратил высшие сословия в ясновельможное панство и шляхетство, а низшие – в **быдло** (Н. Данилевский. «Россия и Европа», 1869), что дает возможность предположить ее непосредственное заимствование в книжный язык из польского языка. Интересны также семантические и стилистические модификации этой лексемы: 17-томный словарь снабжает ее пометой *устаревшее* в значении ‘презрительное название крестьян помещиками-крепостниками’ [9, I, стлб. 718]. Однако уже в Словаре под ред. А.П. Евгеньевой слово представляется как *просторечное* и определяется следующим образом: ‘о людях, которые бессловесно и покорно выполняют на кого-л. тяжелую работу’ [3, I, с. 129]. Словарь под ред. С.А. Кузнецова переводит негативную оценку в духовную плоскость, ср.: ‘о людях, духовно неразвитых, тупых, покорно подчиняющихся чужой воле и проводящих жизнь в тяжелом, изнурительном труде на кого-л.’ и не снабжает лексему никакими стилистическими пометами [2, с. 107].

В XIX в. переосмыслению активно подвергались заимствованные наименования лиц, обозначающие иностранцев в России, результатом которого стало ухудшение семантики первоначально положительно- или нейтрально-оценочных слов. Пр.: в XVIII в. лексема *бюргер* (< нем. *Bürger* ‘горожанин’) не имело оценочных смыслов и определялось как ‘горожанин, мещанин (преимуц. об иностранцах)’ [6, вып. 2, с. 188]. В XIX в., если речь шла об иностранцах, слово встречалось без оценочного оттенка, пр.: *Жаль мне, когда я подумаю, как доставалось от наших молодых повес бедным немецким бюргерам и ремесленникам* <...> (Ф.В. Булгарин. «Воспоминания», 1846–1849). В современном оценочном значении ‘обыватель, мещанин’ слово встречается с середины XIX в. в текстах социально-политической направленности. Ср.: <...> *из юнака или паликара сделаться, и не подозревая ничего, самоуверенным демагогом-бюргером* (К.Н. Леонтьев. «Византизм и славянство», 1875). Прилагательное *бюргерский* также начинает функционировать в негативно-оценочном значении в текстах XIX в.: <...> *раболепство перед пошлым бюргерским и плоским стилем современной западной жизни* (К.Н. Леонтьев. «Храм и Церковь», 1878).

Результаты проведенного исследования показывают, что XX–XXI вв. количество иноязычных оценочных элементов существенно сокращается, что в целом свидетельствует о непродуктивности данного способа в пополнении русской пейоративной лексики.

Негативно-оценочные заимствования в английском языке

Динамика оценочных заимствований на протяжении VIII–XX вв., согласно нашим данным, характеризуется увеличением количества иноязычных единиц в среднеанглийский период, а именно в XIV–XV вв. Максимальное количество пейоративных заимствований приходится на XVI в., после чего на протяжении XVII–XVIII вв. наблюдается постепенное уменьшение иноязычных вхождений.

Ранненовоанглийский период является наиболее важным с точки зрения современных оценочных иноязычных слов, поскольку именно в этот период были заимствованы в английский язык многие из рассматриваемых единиц. По словам В.П. Секирина, в этот период английский язык заимствует особенно много из классических языков [13, с. 27], а пик появления латинизмов приходится на 1610–1624 гг. [14, с. 257]. Большинство из отмеченных негативно-оценочных заимствований отличаются книжным характером вследствие того, что они преимущественно проникали книжным путем, а не через устную речь [13, с. 28]. Пр.: *immodest* ‘преувеличивающий свои возможности; нескромный’ (1570) [15, VII, с. 687]; *licentious* ‘распущенный’ (1555) [15, VIII, с. 892]; *(to) procrastinate* ‘откладывать, мешкать’ (1588) [15, XII, с. 554–555]. Большинство из таких слов в современном английском также стилистически маркированы – относятся к книжной лексике. Иногда заимствовалось переносное негативно-оценочное значение слова раньше, чем основное. Например, по свидетельствам письменных источников, уже в начале XVI в. латинизм *obtuse* (< лат. *obtūsus* ‘тупой’) употреблялся в значении ‘невосприимчивый, тупой; демонстрирующий глупость; бестолковый’ (1509), что соответствует современному оценочному значению с пометой *книжное* – ‘медленно соображающий или не желающий понимать что-л.’. Основное значение прилагательного ‘тупой, неострый’ отмечено только в конце XVI в. [15, X, с. 672].

Заимствования из латинского языка также проникали в английский язык через французское посредничество. Пр.: *prodigal* ‘расточительный’ (1450) [15, XII, с. 561]; *mediocre* ‘посредственный; заурядный’ (1586) [15, IX, с. 551]. Большинство из рассмотренных слов представляют собой негативно-оценочные предикаты, характерные для книжной коммуникации. Некоторые из них становились книжными синонимами английских слов со схожей семантикой. Например, прилагательное *insidious* встречается, согласно письменным источникам, в первой половине XVI в. (1545) [15, VII, с. 1026]. Слово было заимствовано через фр. *insidieux* от лат. *insidiōsus* ‘коварный, хитрый; опасный’. В языке-рецепторе лексема функционировала в значении ‘хитрый, коварный; действующий тайно’ [15, VII, с. 1026]. Однако в английском уже издавна существовали единицы с похожим значением, пр.: *sly* ‘коварный, хитрый’ (XIII) [15, XV, с. 763], *crafty* ‘коварный, лукавый’ (XIV) [15, III, с. 1106] и т.д.

Количество слов, заимствованных в XVII в. и сохранившихся в современном употреблении, несколько меньше. Основные источники иноязычной лексики оставались теми же: французский и латинский языки; негативно-оценочная лексика преимущественно имела книжный характер. Пр.: *connivance* 'потворство' (1611) [15, III, с.748]; *sardonic* 'считающий себя лучше других' (1638) [15, XIV, с.485]; *histrionic* '(о поведении) неестественный, театральный' (1648) [15, VII, с.262]. Пейоративные заимствования из остальных языков незначительны, пр. экспрессивно-оценочный предикат *politico* 'политикан' (1630) (< итал. или исп. *politico* 'политик') [15, XII, с.34–35]. В новоанглийский период фиксируются такие негативно-оценочные образования, как, например, *rapacious* 'склонный к захвату; алчный' (1651) [15, XIII, с.186]. При рассмотрении истории появления данной лексемы выясняется, что она была образована в английском языке от заимствованной латинской основы *rapāci-*, *rapax* 'порывистый; жадно схватывающий; алчный' и форманта *-ous*, который был адаптирован английским языком как деривационный элемент [15, XIII, с.186]. Ранее XVI в. подобные примеры нами не зарегистрированы. Указанный случай свидетельствует о существовании такого способа пополнения лексического состава, как заимствование с морфологической деривацией. Как показывают исследованные примеры негативно-оценочных слов, в большинстве случаев основа заимствовалась из латинского языка. Формант также являлся заимствованным: проник в английский язык в составе многочисленных иноязычных слов в среднеанглийский период, затем стал самостоятельным деривационным аффиксом.

Очевидно, максимальное количество негативно-оценочных заимствований в ранний новоанглийский период объясняется, с одной стороны, внешними факторами, например, идеями Возрождения, введением книгопечатания, расцветом литературы и искусства, увлечением классическими языками, а с другой – собственно языковыми, в частности широкими ассимилирующими возможностями лексической системы, которые были сформированы в среднеанглийский период.

На протяжении XVIII–XX вв. словарный состав английского языка продолжают пополнять заимствования из других языков. Однако степень представленности оценочных заимствований неодинакова. В XVIII в. наблюдается значительное уменьшение их количества, в XIX в. отмечается рост и в XX в. – значительный спад. В XVIII в. французский язык выступал основным источником, а также посредником заимствованных негативно-оценочных лексем из других языков. Пр. *clique* 'небольшая группа со своими интересами; группировка' (пер. пол. XVIII в.) [15, III, с. 333]; *verbiage* 'многословие' (1721) [15, XIX, с. 530]; *cretin* 'кретин' (1779) [15, IV, с. 13]. Среди оценочных заимствований XIX в. также преобладают единицы из французского языка, часто из разряда общественно-политической лексики, пр.: *parvenu* 'человек низкого социального происхождения, сделавший большое состояние или получивший власть' (1802) [15, XI, с. 285]; *bureaucrat* 'бюрократизм; *sobur.* бюрократия' (пер. пол. XIX в.) [15, II, с. 665].

В XX в. зафиксированы немногочисленные пейоративные заимствования из других языков, например, исп. (мекс.) *machismo* 'подчеркнуто агрессивное поведение мужчины с целью демонстрации силы' (40-е гг. XX в.) [15, IX, с. 160], нем. *kitsch* 'дешевые вещи массового производства, внешне похожие на дорогие' (50-е гг. XX в.) [15, VIII, с. 472]. Встречаются заимствования из нелитературных иноязычных пластов лексики, пр.: лексема из французского сленга *gaga* 'сумасшедший; человек, страдающий старческим слабоумием' (1905), войдя в английский язык в первой половине XX в., также функционировала как сленгизм [15, VI, с. 309]. Среди образований первой половины XX в. выделяются также номинации, полученные в результате использования основ классических языков. Примером может стать лексема *xenophobia* 'ненависть к иностранцам' (< греч. *ξενο-* 'иностранец' + греч. *φόβος* 'страх' + *-ia/-y*), которая впервые отмечена в 1909 г. [15, XX, с. 674].

Таким образом, заимствование как источник пополнения пейоративной лексики отличается разной значимостью в различные периоды истории английского языка. Значительное количество иноязычных оценочных слов в XIV–XV вв. объясняется сложившейся языковой ситуацией, при которой в английскую лексическую систему массово входили романские заимствования. В XVI–XVII вв. иностранные вхождения в основном представлены частнооценочными книжными предикатами латинского происхождения. В XVIII–XX вв. расширяется представленность других языков-источников (испанский, итальянский, немецкий и т.д.). Однако наметившаяся в современном английском языке тенденция к сокращению пейоративных заимствований позволяет предположить, что данный источник пополнения негативно-оценочных слов не является продуктивным.

Заключение. Сопоставив в историческом аспекте в русском и английском языках особенности вхождения и функционирования негативно-оценочных заимствований можно утверждать, что в целом заимствования не являются продуктивным источником пополнения лексики негативной направленности ни в русском, ни в английском языке. Несмотря на общее незначительное присутствие оценочных заимствований в русском и английском языках, многие из них характеризуются высокой словообразовательной активностью: участвуют в производстве негативно-оценочных дериватов по словообразовательным моделям, характерным для языка-рецептора, с использованием как исконных, так и заимствованных формантов. Кроме того, многие ассимилированные иноязычные слова, первоначально без оценочного

значения, участвуют в процессах семантических изменений, в результате которых в семантической структуре ранее заимствованных слов фиксируются новые оценочные лексико-семантические варианты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : ЕдиториалУРСС, 2002. – 260 с.
2. Новейший большой толковый словарь русского языка / авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт ; М. : РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: А.П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т. 4.
4. Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles : in 2 vol. / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [et al.]. – 6th ed. – New York : Oxford University Press, 2007. – Vol. 1 : A–M ; Vol. 2 : N–Z. – 3742 p.
5. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В.В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1982. – 529 с.
6. Словарь русского языка XVIII века : в 21 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Ю.С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2015. – 21 вып.
7. Крысин, Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов: свыше 25000 слов и словосочетаний: 2000 иллюстраций: наиболее употребительные иностранные слова, вошедшие в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века / Л.П. Крысин; РАН. – М. : Эксмо, 2008. – 863 с.
8. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отд-нием Императ. Акад. наук : в 4 т. – СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1847. – Т. 4.
9. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: В.И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965. – Т. 17.
10. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов : в 2 т. / П.Я. Черных. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 1 : А – Пантомима. – 622 с.; Т. 2 : Панцирь – Ящур. – 560 с.
11. Биржакова, Е.Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: языковые контакты и заимствования / Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина; под ред. Ю.С. Сорокина. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – 431 с.
12. Сорокин, Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е гг. XIX века / Ю.С. Сорокин. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 565 с.
13. Секирин, В.П. Заимствования в английском языке / В.П. Секирин. – Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1964. – 152 с.
14. Kastovsky, D. Vocabulary / D. Kastovsky // A History of the English Language / R. Coates [et al.] ; ed. by R. Hogg, D. Denison. – New York : Cambridge University Press, 2006. – P. 199–270.
15. The Oxford English dictionary : in 20 vol. / prepared by J.A. Simpson, E.S.C. Weiner. – 2nd ed. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – Vol. 20.

Поступила 14.07.2016

**PEJORATIVE BORROWINGS: COMMON TENDENCIES
IN ENTERING A LANGUAGE AND FUNCTIONING**

T. NIKITSENKA

Negatively-loaded loanwords are considered in a retrospective way in the Russian and English languages. The aim of the research is to study whether borrowings constitute a productive source of enriching pejorative lexis as well as their functioning in a receiving language. It is stated that borrowings don't represent a productive source of enriching the negatively-evaluative vocabulary in either of the languages. At the same time many of the borrowed pejorative words are very active in the word-building process. They are used to build new pejorative derived words following the patterns typical of the receiving language with the help of both native and borrowed affixes. Besides, a lot of borrowings with no negative meaning at the start of their entering undergo pejorative sense development in the receiving language due to semantic changes.

Keywords: *negatively-evaluative borrowing, pejoration, productivity, word-building activity, stylistic label.*